СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА

УДК 32.001

Б.Н. КАРИПОВ

Известно, что содержание понятия проясняется лишь в противопоставлении с другими понятиями. Сравнительный анализ позволяет определить смысловые границы и избежать отождествления различных по содержанию понятий. Традиционализм, по нашему мнению, не следует сводить к консерватизму. Консерватизм является только одной из форм традиционализма. При этом различие связано с соотношением сознательного и бессознательного. Если традиционализм основан более всего на стихийном, бессознательном, то консерватизм есть явление, функционирующее прежде всего на сознательном уровне.

В сравнительном анализе традиционализма и консерватизма немецким социологом К. Мангеймом было отмечено, что традиционализм является, в принципе, одной из таких скрытых тенденций, которые присущи каждому индивиду. Понятие «традиционализм» описывает нечто, что в той или иной степени является характерной чертой психики каждого отдельного индивида. Традиционализм означает склонность к сохранению старых образцов, способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными. Этот инстинктивный традиционализм может трактоваться как первоначальная реакция на сознательные «прогрессивные» реформы. В своей ранней форме он был связан с магическими элементами в сознании, со страхом перед магическим злом, сопутствующим изменениям [3, с. 593]. Консерватизм же, напротив, рефлексивен, так как с самого начала выступает как движение «против», в сознательной оппозиции к «прогрессивному движению», но история все более развивается через взаимодействие таких целостных тенденций и движений, одни из которых «прогрессивны» и форсируют общественные изменения, в то время как другие «реакционны» и сдерживают их. При этом под реакционностью понимается противодействие новым порядкам через ответные действия с целью сохранения старого, что может быть, конечно, оправданным или неоправданным в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Природа консерватизма как политической идеологии, по нашему мнению, корректно раскрывается К. Мангеймом в контексте решения проблемы политической идеологии в его работе «Идеология и утопия». Исследователь выделяет два значения понятия «идеология». Первое он называет частичным, второе – тотальным. О понятии частичной идеологии можно говорить в тех случаях, когда это слово должно означать, что мы не верим определённым «идеям» и «представлениям» противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам. Здесь речь может идти о целой шкале определений – от сознательной лжи до полуосознанного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана. Подобное понятие идеологии, которое лишь постепенно обособилось от простого понятия лжи, может быть по ряду причин названо «частичным». Понятию частичной идеологии К. Мангейм противопоставляет понятие тотальной идеологии. Для тотальной идеологии характерно своеобразие всей структуры сознания. К. Мангейм приводит следующие отличия тотальной идеологии от идеологии частичной:

«А. Если понятие частичной идеологии рассматривает как идеологию лишь часть высказываний противника (и только в аспекте содержания), то понятие тотальной идеологии ставит под вопрос всё мировоззрение противника (в том числе и его категориальный аппарат), стремясь понять и эти категории, отправляясь от коллективного субъекта.

В. Понятие частичной идеологии производит функционализацию лишь на психологическом уровне. Так, например, если говорят, что то или иное высказывание противника – ложь, что он скрывает от себя или других действительное положение дел, то при этом исходят ещё из наличия некоей общей основы – в той мере, в какой речь идёт о ноологическом (теоретическом) уровне. Функционализация, совершаемая понятием частичной идеологии, происходит только на психологическом уровне. Здесь ложь ещё может быть раскрыта, источники обмана устранены, подозрение в идеологии ещё не носит по существу радикальный характер. Совершенно иначе обстоит дело, когда речь идёт о понятии тотальной идеологии. Так, если говорится,

что определённая эпоха живёт в одном мире идей, мы — в другом, что некий конкретный исторический социальный слой мыслит в других категориях, чем мы, то имеется в виду не только содержание отдельных мыслей, а совершенно определённая система мыслей, определённый вид переживания и интерпретации. Там, где с социальным бытием субъекта соотносят не только содержание и аспект его мышления, в конечном итоге весь его категориальный аппарат, функционализируется и область ноологии. В первом случае функционализация происходит только на психологическом, во втором — на ноологическом уровне» [4, с. 57–58]. Далее исследователь пишет: «Разоблачение на психологическом уровне не следует смешивать с тем значительно более радикальным сомнением и с той значительно более радикальной деструкцией, которая совершается на онтологическом и ноологическом уровне. Однако полностью разъединить эти два вида разоблачения невозможно. Ибо в том и другом случае действуют одни и те же исторические силы беспрерывного преобразования. В одном случае это находит своё выражение в уничтожении маскировок, складывающихся на психологическом уровне; в другом — в распаде онтологических и логических положений, связанных с определённым представлением о мире и определённым типом мышления, в уничтожении одной партией другой и на этом уровне. Лишь в мире, где происходит полное преобразование основ, в мире, сущность которого состоит не только в становлении, но и в деструкции, борьба может достигнуть такой стадии, когда одна партия ставит перед собой цель уничтожить не только конкретные ценности и идейные позиции другой партии, но и всю её духовную основу. Пока борющиеся партии принадлежали к одному миру, хотя и выступали как бы с полярно противоположных сторон, пока одна династия боролась с другой, одна клика знати — с противостоящей с ней, дело не могло дойти до столь далеко идущей деструкции. Лишь вследствие того, что в современном мире главные, полярно противоположные друг другу социальные группы исходят из совершенно различных ценностей и представлений о мире, стало возможным подобное углубление и расхождение на духовном уровне. В ходе этого всё более радикализирующегося процесса дезинтеграции наивное недоверие преобразовалось сначала в упомянутое выше понятие частичной идеологии, которое стало применяться методически, но при этом всё ещё ограничивалось психологическим уровнем, однако в ходе дальнейшей эволюции оно незаметно соскользнуло на ноологически-гносеологический уровень. Уже буржуазия выступила с новым идеалом устройства мира: она не хотела просто войти в прежний сословно-феодальный мир, она явилась представителем новой «хозяйственной системы» (в зомбартовском понимании), а для этого был необходим новый стиль мышления, который вытеснил бы прежнее понимание и объяснение мира. То же, по-видимому, относится и к пролетариату. И в этом случае одна хозяйственная точка зрения борется с другой, одна социальная система с другой и в тесной связи с этим — один стиль мышления с другим» [4, с. 61–62]. Данное высказывание, по нашему мнению, в принципе справедливо по отношению к идеологической борьбе в период зарождения и развития консерватизма, как на Западе, так и в России.

Политико-идеологические противоречия в современных странах Запада происходят, как правило, на психологическом уровне. Там существует несколько базовых ценностей, признаваемых таковыми большинством людей в демократическом обществе, укоренённых в политической жизни и массовом сознании. Это равенство, свобода, порядок. В данном случае под равенством подразумевается прежде всего равенство прав и возможностей, то есть равноправие, в более широком смысле — социальная справедливость. Названные выше ценностные установки можно считать основой западных демократий. Исходя из этого можно сделать вывод, что различие между ведущими политическими идеологиями заключается в ранжировании, преимущественном акцентировании внимания на отдельных из указанных ценностей.

Согласно этой точке зрения, специфическое отличие консерватизма состоит, по-видимому, в том, что на первое место он ставит порядок, стабильность, сохранение сложившихся социальных отношений и т. п. Порядку здесь придаётся большее значение, нежели свободе и равенству.

Консерватизм, в отличие от противостоящего ему прогрессизма, всегда испытывал глубокое уважение к прошлому. Если прогрессизм, опираясь в первую очередь на веру во всемогущество человеческого рассудка и самоценность его умозаключений, весьма скептически относился к истории, часто пытаясь представить её в виде цепи недоразумений, вызванных недостаточно высоким уровнем интеллектуального развития предков, то консерватизм всегда отводил почётное

место историческим урокам, опыту, традициям в своих построениях. Между тем, прошлое очень разнообразно, и было бы странно ожидать, чтобы различные консервативные идеологии выбирали из него одни и те же ценности. Е. Шацкий по этому поводу писал: «Разрыв политических рационалистов с историей был довольно-таки однозначным, тогда как её консервативная апология однозначной отнюдь не была» [9, с. 231]. Эта неоднозначность столь велика, что идентифицировать консерватизм в виде некоей «общей формулы» представляется весьма проблематичным.

С нашей точки зрения, консерватизм впервые в Западной Европе заявил о себе после Великой французской революции. Его появление связано с потерей аристократией своей исторической значимости. Данный вид консерватизма хорошо обрисовывает контур консерватизма классического, но не способен полностью охватить позднейшие консервативные идеологии, порождённые другими историческими обстоятельствами и традициями. Суммируя различные взгляды на консерватизм, С. Хантингтон выделил три подхода к идентификации консерватизма:

1) «*автономный*» – когда консерватизм предстаёт психологической установкой, независимой от конкретных обстоятельств;

2) «*ситуационный*» – когда консерватизм рассматривается в качестве идеологии, противодействующей опасности свержения любого существующего строя;

3) «*аристократический*» – когда речь идёт о реакции на буржуазную революцию [10, с. 454–473].

Разделение консервативной мысли на основании её отношения к существующему порядку вещей не приводит к обнаружению факторов, не разъединяющих, а, напротив, объединяющих перечисленные направления. Поиск таких факторов шел по пути выявления общих для всех консерваторов методологических принципов и политических ценностей. К ценностям консерватизма можно отнести: религиозные цели политической деятельности; культ нравственности, авторитет школы, семьи и церкви; культ традиций, национальной культуры, патриотизм; приоритет интересов государства перед интересами индивида; сильное иерархическое государство; признание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод; прагматизм, здравый смысл, постепенность и осторожность перемен. В то же время антиценностями для консерваторов являются: атеизм, материалистическая ориентация политики; моральный релятивизм; культ рассудка, антитрадиционализм, универсализм, космополитизм; приоритет интересов индивида перед интересами государства, индивидуализм, равенство; культ личных прав и свобод; приверженность теоретическим моделям, культ перемен, революция [2, с.130].

В качестве сознательного традиционализма консерватизм допускает сосуществование с противоположным. Н. А. Бердяев отмечал, что история невозможна без двух моментов: момента консервативного и момента творческого. Исторический процесс складывается из сочетания того и другого. При этом под консервативным моментом понималась связь с духовным прошлым, принятие из этого прошлого священного. Недостаток одного из этих элементов – или момента творческого, или момента консервативного – делает невозможным существование истории [1, с. 3]. Люди, стоявшие у истоков консерватизма, – Э. Берк в Англии, Ж. де Местр и Л. Бональд во Франции, Н. М. Карамзин в России – были достаточно трезвыми мыслителями, прекрасно сознававшими, что история необратима и абсолютный и полный возврат к идеалам прошлого, сколь бы привлекательными они ни были, невозможен. Де Местр, например, со всей определённостью говорил о том, что «любое крупное революционное преобразование общества всегда в той или иной степени воздействует на людей, даже сопротивляющихся силе вещей, и не позволяет осуществить полное восстановление прежнего порядка и былых идей»; изменяется сама основа общества, и для общества же будет хуже игнорировать происшедшие в нём изменения и пытаться жить по-старому. Он говорил, что проект возврата к старому порядку во Франции столь же абсурден, сколь нелеп проект разлить Женевское озеро по бутылкам [7].

Консерватизм означал не просто возврат к прошлому, но и определённый проект переустройства общества на иных началах, чем это предполагал в ту пору либерализм, а позднее – социализм. Таким началом и смыслообразующим элементом для консерваторов выступает традиция, понимаемая как сохранение и развитие всего ценного, что было накоплено тем или иным народом за всю его историю, и реконструкция политических институтов в соответствии с этими образцами, отличающими один народ от другого.

Традиционализм и консерватизм являются теми необходимыми спутниками исторического процесса, которые обеспечивают связь,

непрерывность, преемственность прошлого, настоящего и будущего. Они имеют место тогда, когда социально-экономические условия, породившие их, или наличествуют полностью, или продолжают оказывать влияние на общественную жизнь, выступая в качестве рудимента.

В некоторых ситуациях традиционализм и консерватизм являются необходимыми способами упорядочивания и сохранения структурной организации общественной системы на разных уровнях — стихийном и сознательном. В последнем традиция осознается как исходная посылка в идейной ориентации и восприятии политической реальности. В формировании консервативной идеи участвует не только рассудок, но и «особая чувствительность по отношению к прошлому», что и отличает его от всего революционного.

Важнейшим парадигматическим признаком власти является ее телеология, цель, позитивный проект, ради которого она существует. Русское слово «цель», происходящее от греческого «teloz», этимологически связано с немецким корнем «Heil» — здоровье. «Цель» подразумевает представление о здоровом, правильном, целостном. Через телеологическое измерение политики, через политически сформулированную, объявленную и реализуемую цель общество оказывается способным влиять на окружающую его реальность, созидать ее. Без власти или вне власти как осевого элемента государства никакой цели, разумеется, реализовать невозможно. Но при этом и сама власть как некоторое внутреннее измерение государства, его онтологический центр, будет бессмысленной, если перед ней не стоит никаких целей. Между целью и властью существует теснейшая взаимосвязь. Если носитель политической власти — кто бы им ни был: народ, отдельно взятый человек, монарх, вождь или класс — не способен обратить ход исторического процесса к определенной цели, реализовать тот или иной проект, значит, у него, по большому счету, этой власти нет или она не полна, фиктивна. Проблемы общезначимых целей, которым подчиняется деятельность людей, проблема иерархии ценностей, проблема общего культурного поля и построения самобытной картины мира отражаются в традиции. Традиция — это важнейший атрибут национального сознания. Поэтому совершенно справедливо многие ученые считают, что консерватизм — единственная философия, осознающая опасность упадка значения национального, выражающегося в ослаблении чувства национального самосознания, необходимого для полноценной жизни общества. Следовательно, приверженность национальному становится критерием оценки политики со стороны консерваторов.

Консерватизм в Казахстане как осознанный традиционализм обладает чертами общими и специфическими, связанными с национальной спецификой. Специфика эта во многом связана с тем, что казахстанское неоевразийство, ставшее официальной идеологией президента республики Н. А. Назарбаева более десяти лет назад, в основе имеет национальную евразийскую традицию, сложившуюся вокруг мыслителя и поэта Олжаса Сулейменова, автора известной книги «Аз и Я», опубликованной в 1974 году, где обосновывалась ведущая роль тюркского мира в древней русской истории. В одном из интервью О. Сулейменов так выразит существо своей позиции: «Однажды я подумал, когда летел на самолете... Я подумал: слово «тюрки», оно было как бы рассыпано над Евразией. Одна буква осталась где-то в Якутии, вторая — на Алтае, третья — в Казахстане, Средней Азии, четвертая — на Кавказе, пятая — в Малой Азии и т. д. А мы должны соединять эти буквы в слово» [5; 8].

Именно последнее обстоятельство и стало на какой-то период определяющим. Казахстан начал рассматриваться как государство, способное под неоевразийскими лозунгами сплотить все тюркские народы бывшего СССР, то есть, по сути, решить специфически пантюркистскую задачу. Такая постановка вопроса не могла не привлечь к себе внимания национальных элит Турции, все еще претендующих на роль объединяющего центра для тюркских народов. Неудивительно поэтому, что в декабре 1996 года в г. Алма-Ата на церемонии открытия позолоченной 28-метровой колонны, увенчанной фигурой легендарного тюркского воина верхом на похожем на грифона существе, рядом с президентом Н. А. Назарбаевым стоял турецкий президент. На праздновании представители Казахстана превозносили Турцию за то, что «она находилась рядом с Казахстаном на каждом этапе его развития как независимого государства», на что Турция ответила предоставлением Казахстану обширных кредитов.

Однако очень скоро стало ясно, что ориентация на Турцию в ее нынешнем виде в принципе не может быть евразийской. Ведь, по сути, Турция стала первым государством Востока, которое резко порвало со своей духовной и религиозной ориентацией, что является «нормой» для западного секуляризованного

общества и «нонсенсом» – для консервативного и традиционного Востока. Это предопределило в будущем вступление Турции в НАТО и превращение ее в форпост атлантизма и мондиализма между азиатским Востоком и арабским миром. Геополитическая модель, которую предлагает Турция – это интеграция в западный мир, атеистическую, индивидуалистическую, либерально-мондиалистическую цивилизацию. Поэтому ориентация на Турцию под лозунгами «неоевразийства» и «пантюркизма» означает на деле для других государств интеграцию в альтернативный евразийству геополитический и социокультурный проект – атлантизм.

Вместе с тем евразийство по-казахстански имеет и оборотную, собственно евразийскую сторону, проявляющую себя в разносторонних контактах с Россией. Подтверждение серьезности такого курса руководство обоих государств продемонстрировало еще в октябре 2000 года, одобрив соглашение о преобразовании Таможенного союза в новую международную организацию – Евроазиатское экономическое содружество. Принципиальным здесь является тот факт, что речь идет о создании параллельной Европейскому союзу (ЕС) структуры, которая будет проводить не только общую таможенную и экономическую, но и социальную, гуманитарную, а в перспективе – и военнополитическую политику. Это – позитивная линия в российско-казахских взаимоотношениях, противостоящая «пантюркистской» модели, ориентированной на Турцию.

Казахстанский консерватизм как политическая идея – это сложное интеллектуальное образование, фиксирующее не только осознанное, специфическое постижение политической реальности, но и ориентированное на сохранение традиций как атрибута нации, их обновление во времени, а также способов достижения этого через воспроизводство догм, стереотипов и ограничение теоретических установок, факторов изменения. Поэтому идея является строительным материалом как казахстанской евразийской идеологии, включающей в себя совокупность идей о целостной картине азийско-европейского мира с акцентированием внимания на месте и роли человека в этом мире, так и характера политики. Эта совокупность идей несёт в себе следующие моменты: духовное наполнение взаимодействия людей, историчность, критичность, мерность в изменениях, наполнение смыслом понятий через опыт, осторожность, ответственность, постепенность, поиск баланса между авторитарным и коллективным, растворение личности в целом, самобытность, социально ориентированная экономика, традиция, целостность и т. д. [6].

Народы различаются между собой с точки зрения физических и климатических условий, видов деятельности, религии, технического развития. И хотя представления о характерных чертах того или иного народа часто являются ложными стереотипами, все же большинство жителей мира от них не свободно. Данные черты оказывают заметное влияние на политическую и правовую систему общества и придают ей своеобразие. Поэтому попытки переноса чуждых политических институтов на национальную почву всегда либо терпят крах, либо заканчиваются преображением их до неузнаваемости.

Основная идея казахстанского евразийского консерватизма заключается в том, что приобщение к чужим ценностям не должно осуществляться ценой унижения традиционно-национального. Данная идея является важным средством активизации здоровых сил казахстанского общества в направлении выработки альтернативных начал европо- и американоцентризму, а также политического противодействия экспансии как европейского и американского Запада, так и азиатского и арабского Востока и в конечном счете создания Евразийского союза и выдвижения Республики Казахстан в число пятидесяти наиболее развитых стран мира.

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М. : «Наука», 1990. 224 с.
2. Гусев В.А. Консервативные идеологии // Социс. 1994. № 11. С. 128–135.
3. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : «Юристь», 1994. 700 с.
4. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : «Юристь», 1994. 700 с.
5. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. М., 1997.
6. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Март, 2006.
7. Пикуль Д.Л. Теория политики Жозефа де Местра. М., 2005. 153 с.
8. Сулейменов О.О. Незнание – разъединяет, знание – объединяет // Аргументы и факты на Севере. 2000. № 28.
9. Шацкий Е. Утопия и традиция. М. : «Прогресс», 1990. 456 с.
10. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Politikal Science Review. 1957. V. LI. P. 454–473.